

А. М. Ломов

ВЫСКАЗЫВАНИЕ И ЕГО ИНОТЕКСТОВЫЕ АКТУАЛИЗАТОРЫ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

ANATOLY M. LOMOV

UTTERANCE AND MEANS OF ITS ACTUALIZATION IN OTHER TEXTS IN "SLOVO O POLKU IGOREVE"

В статье рассматривается один из частных случаев актуализации высказывания посредством показателей, включенных не в тот текст, в котором употреблено данное высказывание, а в содержательно сопряженные с последним тексты. Выдвигаемые теоретические положения иллюстрируются на примере выдающегося памятника русской словесности «Слова о полку Игореве».

Ключевые слова: предложение, высказывание, языковые уровни, инотекстовая актуализация, синтаксис.

The article is devoted to the study of a particular case of the utterance actualization. The actualization is realized by means of special signals found in the texts semantically correlated with the one in which the utterance is used. Theoretical commentary on the phenomenon is illustrated by the text fragments from the outstanding Russian epic "Slovo o Polku Igoreve".

Keywords: sentence, utterance, language levels, actualization in other texts, syntax.

Анатолий Михайлович Ломов

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского
языка филологического
факультета Воронежского
государственного университета
► t-dandy@mail.ru

Термин «высказывание» появился в языкознании относительно поздно — во всяком случае позднее термина «предложение». С самого начала он оброс целой серией значений, которые, по логике замысла, должны были отграничить высказывание от предложения. Поскольку, однако, такое отграничение осуществлялось по разным основаниям, возникавшие трактовки высказывания оказывались или несопоставимыми, или — что еще хуже — прямо противоположными. Но уже в 90-е годы XX века в связи с широким распространением в лингвистике теории речевых актов наметилась тенденция к содержательной унификации понятия высказывания.

Эта тенденция учитывает два существенно важных момента: во-первых, обязательную включенность высказывания в конкретную речевую ситуацию (речевой акт), без чего оно как таковое не существует, и, во-вторых, возможность кардинального преобразования типовой структуры, свойственной предложению, в процессе этого включения. Из этого взгляда на вещи с необходимостью вытекает, что *предложение* и *высказывание* — феномены, безусловно, разные, но имеют вместе с тем общее ядро и их размежевание без установления характера данного ядра практически невозможно. Подобное разграничение должно считаться с таким кардинальным свойством языковых уровней, как существова-

ние их единиц в двух вариантах — абстрактно-языковом, иначе эмическом (ср.: фонемы, морфемы), и конкретно-речевом, иначе этическом (ср.: фоны, морфы). Рассматриваемый в этом плане синтаксический уровень предстает, с одной стороны, как набор предложений, т. е. семантико-функциональных моделей, а с другой — как инвентарь высказываний — их речевых реализаций, т. е. все тех же моделей предложения, обросших языковой плотью: получивших определенное выражение и поставленных в прямую связь с целями и задачами соответствующего им речевого акта.

Такое понимание проблемы ставит перед исследователем ряд требований, с которыми он должен считаться в процессе научного анализа синтаксиса. Наиболее важны из них два.

Во-первых, необходимо вести раздельную систематизацию предложений и высказываний, ни в коем случае не смешивая их терминологически в процессе описания. В этом плане нельзя, в частности, говорить о неполных предложениях. Еще А. М. Пешковский в начале прошлого века заметил, что называть неполным предложением жалкий его остаток (например: *Идет, Без сахару* и т. д.) — это все равно что именовать ручку от разбитого кувшина неполным кувшином, а козырек от фуражки — неполной фуражкой. И это действительно так. Ни в одном языке мира нет и не может быть неполных предложений. Есть только их неполные реализации — высказывания, в конкретном речевом акте, отсылающие нас к строго определенному предложению. Некорректно, далее, упоминать о смысловых отношениях применительно к предложению: в последнем «работает» языковая семантика, т. е. освоение и присвоение языком схемы смысла, сам же смысл возникает в результате соединения и взаимодействия информации о предложении и информации о внеязыковой действительности, т. е. в рамках высказывания.

Во-вторых, необходимо изучить и систематизировать, как актуализуется смысл высказывания в связной речи. Инвентарь такой актуализации весьма обширен. В настоящей статье будет идти речь об одном уникальном приеме инотекстовой актуализации, которую я проиллю-

стрирую на примере «Слова о полку Игореве» — произведении, являющемся начальным звеном русской художественной литературы.

Читатели «Слова», конечно, давно уже заметили, сколь бедна в нем фактическая информация. В самом деле, что мы знаем, скажем, о походе Игоря? Очень мало. Легче перечислить, чего мы не знаем. Нам неизвестно, когда начался поход, где находится Каяла, куда увезли половцы плененного Игоря, через какое время он убежал из плена и т. д. А если мы припомним битву при Немиге, которую автор сравнивает с молотьбой на току, то обнаружится, что нам не сообщили даже, с кем вступил в кровавый спор полоцкий князь Всеслав и чем этот спор кончился. Более того, иногда отдельные герои произведения высказывают буквально как чертики из табакерки (скажем, Гзак и Кончак): мы не знаем о них ровно ничего, хотя автор ведет рассказ так, будто они давние наши знакомцы. Но информативная скудость «Слова» — факт лишь кажущийся: он представляет собой закономерное следствие особого художественного приема, использовавшегося в памятнике.

В «Слове о полку Игореве» все герои — реальные исторические лица, упоминания о которых легко найти в русских летописях (за исключением, может быть, Бояна). Точно так же реальные описываемые события, отраженные в тех же самых летописях (и опять-таки за отдельными исключениями, о которых уже говорилось выше). И поскольку это так, автор получает возможность использовать уже упомянутый прием, для которого нет общепринятого названия. В лингвистике, правда, часто говорят о не прямой коммуникации, имплицитной информации, скрытых (невных) смыслах и т. д. Но эти термины в нашем случае неприемлемы, поскольку они ориентированы на обозначение тех содержательных элементов, которые присутствуют в данном конкретном тексте, но выявлены нестандартными способами. В «Слове о полку Игореве» соответствующие элементы вообще отсутствуют и привносятся извне. Прием их обозначения я буду называть (конечно же, с известной долей условности) приемом ассоциативного ввода внетекстовой информации. Он

действует в соответствии с формулой «повод-наме́к»: текст отталкивается от упомянутого факта и лишь вскользь называет другой факт, содержание которого раскрывается не путем обычного текстового описания, а путем извлечения соответствующих знаний из недр памяти читателя, хорошо знакомого с русскими летописями и другими историческими источниками.

Необходимо учитывать, что текстовые намеки, нуждающиеся во внетекстовой актуализации, по своему характеру неоднородны. Одни из них прямо и непосредственно отсылают нас к соответствующим местам летописей, без чего соответствующий кусок «Слова» остается просто непонятным.

Так, знания летописных сведений требует то место памятника, где говорится о том, что готские девы воспевают поражение Игоря и *лелють месть Шароканю*. Если эту фразу не понять, в нашем восприятии «Слова» возникнет невосполнимая лакуна.

Как известно из летописей, первые полвека пребывания половцев в южнорусских степях борьба русских людей с кочевниками носила оборонительный характер, поскольку половцы находились на первой (таборной) стадии кочевания. Они действовали набегами и каждое очередное поражение от русских (если оно случалось) переносили очень легко, поскольку их родные коши находились в глубине степей, и половцы при необходимости уходили еще дальше, зажигая после себя степь, чем делали преследование просто невозможным: кормить лошадей было нечем. А вот поредевшему после очередного набега русскому населению всякий раз приходилось начинать с нуля: рубить новые избы, строить хозяйственные помещения, восстанавливать значительно сократившееся поголовье скота. Но в самом конце XI — начале XII в. положение существенным образом изменилось. Половцы перешли ко второй стадии кочевания, которая предполагает, по наблюдениям С. А. Плетневой, ограничение территории кочевания для каждой орды и, соответственно, появление сезонных стойбищ — зимовок и летовок, что и сделало кочевников уязвимыми для ударов русских. Учитывая это,

Владимир Мономах, еще не ставший великим князем, решил положить конец вражеским набегам и превратить оборонительную войну с половцами в наступательную. Ему удалось сплотить удельных князей и организовать несколько общерусских походов на половцев. Уже первый поход, направленный на далекое Лукоморье, оказался весьма результативным. Становища лукоморских половцев подверглись разгрому, а их предводитель хан Алтунопа был убит. Но поражение, как ни странно, лишь подстегнуло половцев. Довольно быстро произошло объединение их донских и днепровских сил, и они совершили два серьезных похода на Русь, которые закончились разгромом половцев. Но спокойствия Руси это не принесло. Поэтому на Долобском съезде удельных князей по инициативе Владимира Мономаха было принято решение организовать рейд русских войск в глубину степей, где кочевали донские половцы — главные противники русского государства. Скрытно проникшие в половецкие кочевья весной 1111 года русские военные силы застали половцев врасплох, а спастись бегством те по своему обыкновению просто не могли: их кони, добывавшие копытами корм из-под снега, к весне сильно отощали и не могли состязаться в резвости с русскими конями, хорошо отъевшимися за зиму на кормах, впрок заготовлявшимися нашими земледельцами в летне-осенний период. В общем итоге огромное половецкое войско было разгромлено на собственной земле, все основные зимовки кочевников уничтожены, хан Боняк был убит, а хан Шарукан едва убежал. Последующие походы Мономаха и его сына Мстислава поставили половцев на грань уничтожения, и сын Шарукана Отрок с частью половцев откочевал в предгорья Кавказа, где поступил на службу к грузинскому царю Давиду, а его брат Сырчан вместе с оставшимися половцами затаился в глубине степей и до самой смерти Мстислава не предпринимал попыток напасть на русские земли.

Таким образом, одной лишь фразой *лелють месть Шароканю* автор актуализовал в сознании читателей важнейшую страницу истории их страны и тем самым подчеркнул,

что, во-первых, успех в борьбе с половцами обеспечивают лишь совместные действия князей и, во-вторых, все усиливающиеся междоусобицы в конце концов могут привести русских к такому же тотальному поражению, которое половцы потерпели при Шарукане.

Наряду с вышерассмотренным существуют намеки другого рода, как будто вполне удовлетворяющиеся весьма краткими пояснениями исторического характера. Но в действительности это совсем не так. Вот яркий пример. Князь Игорь, благодаря Донец за помощь, противопоставляет ему реку Стугну. Эта маленькая река (имеющая, как выражается автор, *худую струю*) весной во время паводка вобрала в себя воду других рек и ручьев, расширилась к устью и *затворила* на дне князя Ростислава (т. е. Ростислав ней утонул). И вот теперь на темном берегу мать оплакивает безвременно погибшего юношу. Памятник не сообщает нам, что это за князь, почему он утонул, какие события предшествуют этому печальному факту. Комментаторы обыкновенно сообщают, что Ростислав — единокровный (т. е. от другой матери) брат Владимира Мономаха, утонувший в реке во время боя с половцами. Мономах пытался его спасти, но, едва не расставшись с жизнью, ничего не мог сделать. Этот комментарий многое проясняет, но оставляет совершенно неясным одно: какое отношение имеет смерть Ростислава к побегу Игоря. Между тем за рассматриваемым намеком скрывается богатейшая конкретная информация, которую летописи и другие исторические источники сообщают нам под 1093 год. Именно она и расставляет все по своим местам.

В указанное время, после смерти великого князя Всеволода Ярославича, киевский стол занял по праву старшинства Святополк Изяславич, двоюродный брат Владимира Мономаха. Воспользовавшись неразберихой, которая обыкновенно сопутствует смене власти, половцы пришли на Русь с требованием откупа, угрожая в противном случае разорением пограничных земель. Владимир Мономах советовал Святополку согласиться с их требованиями, но недалекий Святополк этому совету не последовал, решив вступить с половцами в сражение.

Мономаху как вассальному князю, правившему тогда в Переяславле, ничего не оставалось делать, как подчиниться, хотя общая обстановка для русских была крайне невыгодной. Времени для сбора общерусских войск не было. К тому же половцы заняли тактически выгодное положение, и русским, чтобы напасть на врага, в условиях весенней распутицы надо было переправляться через вздувшуюся реку Стугну, в обычное время маловодную. Результат этого неподготовленного военного мероприятия был печальным: половцы смяли немногочисленные русские полки, и те побежали. Во время обратной переправы многие, естественно, погибли (не забудем о тяжелых воинских доспехах тех времен), и в их числе был брат Владимира Мономаха Ростислав. Его тело, обнаруженное только через несколько дней, когда половцы уже ушли, перевезли в Киев, где юношу горько оплакивала его мать, половчанка по происхождению, получившая при крещении имя Анна.

На похоронах, видимо, вспоминали обстоятельства гибели покойного, в частности, то, как Владимир Мономах едва не утонул, пытаясь спасти брата. Припомнили, конечно, и инцидент, произошедший накануне битвы (он засвидетельствован в историческом источнике). Направляясь к месту сбора войск, Ростислав со своими дружинниками остановился на подворье Печерского монастыря. В это время из своей кельи вышел монах Григорий, направлявшийся к реке за водой, и дружинники по какому-то поводу стали насмехаться над ним. Григорий имел неосторожность сказать, что им следовало бы вести себя подержаннее: они ведь едут не на гулянье, и у них много возможностей свести счеты с жизнью, в том числе и утонуть в реке. Взбешенный Ростислав (сказалась, видимо, пылкая половецкая кровь) приказал монаха утопить, что и было исполнено. Таким образом, весной далекого от нас 1093 года в тугой узел оказались завязанными самые разные события: одно из немногих поражений Владимира Мономаха, горе матери, сын которой, в сущности, погиб от рук ее соплеменников-половцев, и святотатство Ростислава, обернувшееся его гибелью в реке (в полном соответствии с предостережением монаха Григория). Страсти, как видим, шек-

спировского размаха, но они остаются незрими, поскольку рассказ о них в полном смысле слова оказался скрытым между строк — в пределах внетекстовой информации.

Точно так же незрими и две параллели, проводимые автором «Слова». Во-первых, произведение предупреждает, что любое плохо подготовленное военное мероприятие, рассчитанное лишь на слепую удачу, в конечном счете, как и поход Игоря, обернется катастрофой. Во-вторых, оно содержит неявную отсылку к «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, знакомство с которой автора нашего памятника сейчас уже никто не отрицает. Именно там рассказывается, что днем евреи плечом к плечу сражались с римскими легионерами, защищая осажденный храм, а ночью сводили счеты друг с другом, в результате чего каждое утро обнаруживались трупы людей, погибших отнюдь не от мечей римлян. А разве не из того же ряда убийство монаха Григория?

Текстовые намеки третьего рода, к рассмотрению которых мы переходим, практически остаются почти незаметными. Читатель просто не видит их, полагая, что стоящая за ними информация самоочевидна. Например, сообщение «Слова», сделанное автором как бы мимоходом, о том, что князь едет в Киеве к церкви Богородицы Пирогощей, не наводит нас на особые размышления, так как мы думаем, что он отправился туда поблагодарить Бога за чудесное спасение. Так думал и я, пока на глаза мне не попалось одно примечательное место из «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо.

В своем дневнике герой этого романа пишет, что после жестокого приступа лихорадки, которая для одинокого человека могла кончиться печально, он совершенно переосмыслил библейские слова: «Призови меня в день печали, и я избавлю тебя». Прежде Робинзон связывал их с избавлением из заключения, поскольку его остров был для него настоящей тюрьмой в худшем смысле этого слова. Теперь же, с омерзением вглядываясь в свое прошлое, Робинзон просит у Бога только избавления от бремени грехов, лишившего покоя его душу. Об избавлении от одиночества он больше не молился, таким пустяком стало оно ему казаться.

Но ведь вот что любопытно: то же самое произошло и с Игорем: попав в плен, он переосмыслил свою жизнь, и она ужаснула его. Ипатьевская летопись в Повести о походе Игоря сообщает, что князь после поражения раскаялся в своих грехах, воскликнув: «Вспомнил я о грехах своих перед Господом Богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, а предал разграблению город Глебов у Переяславля... Но ныне вижу, что другие принимают венец мученичества, так почему же я — один виноватый — не претерпел страданий за все это? Но, Владыка, Господи Боже мой, не отвергни меня навсегда, но какова будет воля твоя, Господи, такова и милость нам, рабам твоим». И вот если учесть этот покаянный монолог Игоря, легко догадаться, что он едет к Богородице Пирогощей поблагодарить Бога прежде всего за то, что тот услышал и принял раскаяние князя. Остается лишь заметить, что Даниэль Дефо написал свой роман четырьмя веками позже, чем было написано «Слово», и, конечно же, он не был знаком с последним. И удивительно, как совпадают иногда мысли больших мастеров.

Существует, наконец, и четвертый род намеков, которые, отсылая к летописным текстам, заставляют нас сделать вывод, отсутствующий в этих текстах, но предполагаемый логикой происхождения. Обратим в этой связи внимание на то, что в «Слове» постоянно звучит «стреловой мотив»: *рассуишясь стрѣлами по полю; се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя пѣлки Игоревы; тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли стѣаше; летѣть стрѣлы каленыя* и т. д. На первый взгляд это может показаться несколько странным. И вот почему. На вооружении русских воинов в XII веке состояли меч, топор и копье. Лук же не был широко распространенным оружием. Им не владели не только ополченцы, но, видимо, и многие дружинники. Поэтому во всех стычках с врагом на передний край выдвигались набранные в полках «стрельцы», умевшие обращаться с луком. В их задачу входило если не парализовать, то существенно ослабить действие стрелового удара врага и позволить своим воинам войти в непо-

средственное соприкосновение с противником. У кочевников, напротив, лук был принадлежностью всех воинов без исключения, которые учились владеть им с трех лет и со временем достигали высокой степени совершенства в стрельбе. Но не станет же поэт воспевать мощь чужого оружия!

Упомянутая странность в нашем восприятии «стрелового мотива», однако, сразу же исчезает, стоит припомнить обращение Ярославны к солнцу с упреком, что оно *въ полѣ безводнѣ жаждею имѣ лучи съпряже, тугою имѣ тули затче*, и фрагмент из сна Святослава, которому снятся *тѣщице тулы поганыхъ тлѣковинѣ* (т. е. нехристианских помощников Игоря — ковуев). Эти констатации героев «Слова» заставляют нас рассмотреть некоторые подробности похода Игоря, отраженные в летописях.

Обыкновенно считается, что поход Игоря был конным. Но такое мнение явно не учитывает летописной информации. На рассвете субботнего дня, когда стали подходить многочисленные половецкие полки, у русских дружинников была возможность спастись бегством, но все решили: «Если поскачем — спасемся сами, а простых людей оставим, а это будет нам перед Богом грех: предав их, уйдем. Но либо умрем, либо все вместе живы останемся». Отсюда со всей определенностью следует, что у простых людей (т. е. ополченцев) коней не было, и поход был смешанным — конно-пешим. Об обозах летописные тексты вообще не упоминают, и исследователи не без основания полагают, что они вообще отсутствовали. Но если это так, стрел в отряде Игоря было очень мало — ровно столько, сколько уместилось в колчанах и седельных сумках. Напротив, у половцев их было более чем достаточно. Ведь не зря же автор «Слова» замечает: *А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому: крычать тѣльгы полунощы, рци, лебеди роспущени*. Именно в этих телегах доставлялось военное снаряжение, в том числе и стрелы. И, естественно, когда на следующее утро многочисленные половецкие силы окружили русское войско Игоря, положение последнего оказалось просто катастрофическим: стрел не было или было очень мало, поскольку они были

израсходованы в предшествующем бою, и половцы начали безнаказанный обстрел русских.

Наши современники иногда пренебрежительно относятся к луку и стрелам. Но в действительности это было очень грозное оружие. По свидетельству специалистов, стрелы сильного лука с расстояния в 300 шагов пробивали толстую дубовую доску, а на 100 шагов они дырявили любые доспехи. Таким образом при прямом ударе от стрелы не спасали ни щиты, ни кольчуги.

И мы легко можем себе представить положение воинов Игоря, которым нечем было ответить на мощные стреловые удары половцев. Единственное, что они могли сделать, это спешиться, так как человек на коне представлял прекрасную мишень для лучника (только так можно объяснить, почему русские сошли с коней в предвидении приближающегося к ним конного половецкого войска!). Но такая защитная мера не могла быть эффективной, и войско Игоря было разбито. О такого рода развязке в памятнике ни слова. Но исследователи хорошо понимают, в чем здесь дело. Так, Д. С. Лихачев прямо пишет: «Горе вошло в колчаны русских воинов потому, что они были пустые, — в них не стало больше стрел, все расстреляли. Если это так, то битва была безнадежно проиграна».

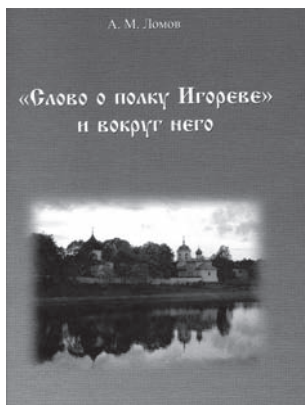
Но если авторские сигналы (вроде стрелового мотива) в «Слове» отсутствуют, отсылки к источникам становятся неразличимыми, и в итоге возникает облегченное восприятие смысловой структуры высказывания. Положим, нам встретился фрагмент «Слова»: *Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе и на Канину зелену наполаму постла...* Здесь представляется все понятным: славолубие никогда не было в числе достоинств человека. Но обратимся к «Лестнице» Иоанна Синайского — произведению, существовавшему в болгарском переводе X–XI вв. и получившему распространение на Руси лишь в XIV веке. В памятнике говорится о трех главных грехах: славолубии, сребролюбии и сластолюбии, причем славолубие на первом месте!

При анализе приема ассоциативного ввода внетекстовой информации рано или поздно мы сталкиваемся с вопросом: являлся этот прием ин-

дивидуальной находкой автора или же он был достаточно известным и использовался другими авторами. Судя по всему, следует предпочесть второй вариант ответа. Исследователи уже заметили, что русские пилигримы XIV–XV вв., оставившие после себя всякого рода Хождения в Царьград, описывая достопримечательности византийской столицы, никогда не комментируют свои наблюдения, поскольку полагаются на то, что читатели уже располагают необходимой информацией из других источников. С аналогичным явлением мы сталкиваемся и в живописи того же времени. Знаменитая «Троица» А. Рублева, как известно, основывается на библейской легенде о том, что престарелых Авраама и Сарру посетили три ангела, которые сообщили, что Бог пошлет им долгожданного наследника. Но напрасно мы стали бы искать на иконе Авраама и Сарру. Их здесь просто нет, они домысливаются зрителями, как домысливаются многие фрагменты «Слова». Тем не менее, хотя автор «Слова» и не был создателем рассматриваемого приема, его использование внетекстовой информации достигло высокой степени совершенства.

Правда, общераспространенным этот прием не стал, и к нему обращаются лишь отдельные авторы. В числе их находится В. В. Набоков. Исследователи его творчества отмечают, что уже в самых первых произведениях американского периода, в частности в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», чувствуется потребность не только просто в читателе, а в сообщнике, который владеет по крайней мере двумя (а лучше — четырьмя) языками, потому что в противном случае он не поймет многих спрятанных значений ключевых слов, многих важных намеков и отсылок. Конечно, у В. В. Набокова прием оказался основательно модифицированным, но в основе своей он остался тем же, что и у автора «Слова», поскольку предполагает совместное творчество писателя и читателя. Примечательно, что в начале XX столетия о своей приверженности к приему сотворчества автора и читателя заявил Е. Замятин, назвавший этот прием синтетизмом. Однако реализовать в полной мере свои теоретические установки из-за ранней смерти он не успел.

[предлагаем вашему вниманию]

Ломов А. М. «Слово о полку Игореве» и вокруг него: Монография. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010. — 244 с.

В книге предпринята попытка дать нетривиальные и взвешенные ответы на ключевые вопросы, всегда волновавшие отечественное и зарубежное славоведение: Когда создано «Слово о полку Игореве»? Кто его автор и какие произведения им еще написаны? Каковы предшественники поэмы, являющейся начальным звеном русской литературы?

Издание адресовано в первую очередь филологам: научным работникам, вузовским и школьным преподавателям, студентам. Кроме того, она может быть полезна широкому кругу читателей, интересующихся проблемами отечественной культуры.